

Яна Беспальчикова

Дары в дипломатической практике Теодориха Великого

В современных гуманитарных исследованиях огромное внимание уделено коммуникативной природе власти, как, в сущности, и многих других явлений, которые классическая историческая наука XIX в. рассматривала скорее во внешней плоскости политико-экономических взаимодействий. Чтобы существовать, власти необходимо быть являемой и воспринимаемой, узнаваемой теми, на кого направлено ее действие. Власти нет без подчинения, а подчинение не возникает, если в воздействующей силе не различается власть, если за актором не признается право на воздействие. До рождения дисциплинарного общества, описанного М. Фуко¹, власть, не сращенная с разнообразными механизмами контроля и еще не ставшая невидимой, существовала в первую очередь в коммуникативном поле. Носитель власти — был ли он абсолютным монархом, средневековым королем, римским императором или германским вождем, если речь идет об истории Европы, — должен был выглядеть и вести себя так, как ему полагалось по статусу, окруженный особыми ритуалами. Это позволяло достичь узнаваемости носителя власти — или самой тайны, окружавшей его реальную телесность и отделявшей его от простых смертных. Поэтому большое значение приобретает изучение репрезентации власти, методов и способов конструирования ее образов, а также тех ритуалов, которые окружали носителей власти.

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

Для отношений власти фактически любой эпохи характерно не только явление правителя ему подвластным, но и особый вид коммуникации между властителями — дипломатические взаимодействия разного рода, в ходе которых с неизбежностью устанавливались нередко довольно противоречивые отношения. Обращение же к дипломатии поздней Античности и раннего Средневековья — эпохам чрезвычайно внимательным к символу и ритуалу² — позволяет на конкретном материале проследить всю сложность этого рода коммуникации во властной сфере.

Безусловно, в IV–VI вв. не существовало дипломатической деятельности, институализированной в современном понимании, однако было представление о ней как о совокупности методов, противоположных насильственному решению любых вопросов взаимодействия империи с окружающими народами. Анализ практик, окружавших деятельность посольских миссий, является способом изучения дипломатии поздней Античности и раннего Средневековья. Особенно пристальное внимание уделяется рассмотрению дипломатической символики и ритуалов в контексте феномена имитации империи — активного заимствования и воспроизведения имперских практик в варварских королевствах, — а также самому семантически насыщенному символическому языку дипломатии поздней Античности, выступающему, в сущности, ее основой³.

Материальным воплощением этого языка были дары, игравшие особую роль в дипломатическом взаимодействии. Фактически дары выступали в качестве визуального и символического аспекта дипломатии⁴, были ее неотъемлемой частью. Исторически же сама практика принесения даров во время различного рода контактов в потестарной сфере восходит к архаическим ритуализированным отношениям союза, гостеприимства и дружбы, к «своеобразной экономике дара». Литература о природе дара как антропологического феномена более чем обширна. Основы его изучения заложил еще

2. Аверинцев С. С. Символика раннего Средневековья (к постановке вопроса). М., 1977.

3. Nechaeva E. Embassies – Negotiations – Gifts. Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart, 2014. P. 15.

4. Ibid. P. 163.

М. Мосс в своем «Очерке о даре». Дальнейшее развитие культурной антропологии внесло существенный вклад в изучение даров и различных видов обмена ими (наиболее глубокий анализ этой эволюции и вклада таких классиков, как М. Мосс и К. Леви-Стросс, дал М. Годелье). С точки зрения изучения роли даров в дипломатических взаимодействиях эпохи поздней Античности, их семантики и функций, безусловно ценным представляется исследование Е. Нечаевой, посвященное дипломатии Восточной Римской империи⁵.

Следовательно, дары играли значимую роль в репрезентации власти императора и других носителей власти перед лицом тех, к кому отправлялись посольства. Причем с этой ролью связана сложность восприятия факта дарения, который устанавливал как отношения солидарности, так и отношения превосходства и мог рассматриваться как унижение⁶. Различение даров как дани и даров как жеста господина, привязывающего к себе подвластных, по всей вероятности, зависело от каждого конкретного случая и множества нюансов, связанных с обстоятельствами посольства. Это, однако, не умаляет того значения, которое придавали современники самому факту дарения и предметам, его составлявшим⁷. Важнейшее подтверждение тому — сочинение Приска Панийского, где можно найти многократные свидетельства важности для Аттилы как принимающей стороны ранга прибывших к нему послов и факта дарения, которое происходит несмотря на то, что посольство явно принимается не лучшим образом: в начале предводитель гуннов даже не хочет выслушать посланцев императора.

Наше исследование посвящено изучению связанных с дарами символических практик, окружавших отношения Теодориха Великого с другими варварскими лидерами. Организация придворных служб создателя остготской королевства была настолько хороша, что можно говорить о дипломатическом лидерстве Равенны в окруженной германцами греко-римской ойкумене на протяжении первой трети VI в., по крайней мере

5. *Mauss M. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques. Paris, 1925; Годелье М. Загадка дара. М., 2007; Nechaeva E. Op. cit.*

6. *Nechaeva E. Op. cit. P. 164.*

7. Сказания Приска Панийского. Отрывок 8-й // Ученые записки второго отделения императорской академии наук. СПб., 1861. Книга VIII. Вып. 1. С. [313–354].

по части организации и сопровождения посольских миссий. Воплощением и памятником этого лидерства стала дипломатическая переписка из корпуса «*Variae*»⁸ Кассиодора Сенатора⁹, куда вошли послания, предназначенные непосредственно для передачи принимающей стороне в самом начале переговоров. Эти послания выступают значимым источником для изучения конструирования образа власти Теодориха Великого перед лицом других правителей варварских королевств и содержат информацию о том, какие дары он отправлял своим контрагентам и что принимал от них. Безусловно, дипломатические письма «*Variae*» не позволяют реконструировать картину во всей ее полноте, но в них есть сведения по крайней мере о семи актах дарения, что позволяет сделать некоторые выводы.

Для начала стоит обратиться к анализу сведений о дарах, которые были приняты Теодорихом. Здесь исследователь находится в довольно благоприятном положении, поскольку в дипломатических посланиях «*Variae*» есть развернутые описания этих предметов.

В послании к Герминафриду, королю тюрингов, о его браке с племянницей Теодориха Амалабергой¹⁰ Кассиодор разворачивает подробное описание знаменитых тюрингских лошадей — дара, посланного Герминафридом в качестве выкупа за невесту:

«Их грудь и голени подобающе украшены мясистыми шарами [мускулов], ребра на сколь угодно большой протяженности вытянуты, живот коротко стянут, голова воспроизводит олений образ, [и,] подражая его [оленя] проворству, они словно имеют с ним сходство. Они приручены при мощности своей, быстроногие при [своей] величине, радующие взгляд, приятные в применении; выступают же они плавно, не утомляют всадника безрассудной торопливостью: он скорее отдыхает на них, чем трудится, и, организованные приятным управлением, они знают, как долгое время пребывать в непрерывном движении»¹¹

8. *Cassiodorus Senator. Variae* // MGH. Auct. ant. 12. Berolini, 1894. (Далее — *Variae*).

9. О целях и истории составления корпуса *Variae* см.: *Gillett A. The Purposes of Cassiodorus' Variae // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History* / ed. A. C. Murray. Toronto; Buffalo, 1998.

10. *Variae*. IV.1.

11. Перевод с латинского здесь и далее мой — Я. Б.

(Quorum pectora vel crura sphaeris carnis decenter ornantur: costae in quandam latitudinem porriguntur: alvus in brevitae constringitur: caput cervinam reddit effigiem, imitantes velocitatem cuius videntur habere similitudinem. Hi sunt sub pinguedine nimia mansueti, magna mole celerrimi, aspectibus iucundi, usibus gratiores: incedunt enim molliter, sessores insanis festinationibus non fatigant: quiescitur in ipsis potius quam laboretur et compositi delectabili moderatione agilitate norunt continua perdurare).

Лошади были отправлены именно в качестве выкупа за невесту, о чем заявлено в тексте послания:

«Вот почему, приветствуя с подобающей милостью, мы объявляем вашим прибывшим послам, что принимаем цену, пусть и не подходящую [по ценности] к делу, но по обычаю народов назначенную, — одетых серебряным цветом жеребцов, каких подобает иметь в качестве свадебных»

(Quapropter salutantes gratia competenti indicamus nos venientibus legatis vestris inpretiabilis quidem rei, sed more gentium suscepisse pretia destinata, equos argenteo colore vestitos, quales decuit esse nuptiales).

«Цену» (pretia) — то есть как раз выкуп за невесту — *uxoris pretium*. В то время само это словосочетание уже могло означать и подарок невесте, который она получала по частям или полностью от жениха перед свадьбой. Однако такое изменение значения «выкупа за невесту» наблюдается только с конца V в. и преимущественно в вестготских документах¹². То есть для Теодориха и Герминафрида [*uxoris*] *pretium* мог еще означать собственно выкуп — то имущество, которое род жениха платит роду невесты.

Ответ на вопрос о том, в связи с чем в качестве выкупа за невесту отправляются именно лошади, достаточно труден и требует обращения к значительному историческому и этнографическому материалу, касающемуся брачных обычаев, что в рамках данной работы было бы слишком серьезным отступлением. Поэтому придется ограничиться самыми общими замечаниями и предположениями.

12. Фоне-Вампль С. Женщины от V по X век // История женщин на Западе. СПб., 2009. Т. 2. С. 178.

Сам по себе *ixoris pretium* предполагал передачу довольно значительного имущества¹³. Поэтому вполне возможно, что для описания Кассиодор выбрал самую значимую часть принятых Теодорихом богатств. В самом тексте письма есть указание на то, что таким лошадям «подобает быть свадебными» (*quales decuit esse nuptiales*), до этого же речь идет о цене, назначенной «по обычаю народов» (*more gentium*). Это однозначно можно интерпретировать как прямое заявление о том, что лошади традиционно дарятся семье невесты в качестве выкупа за нее.

Сакральное значение лошади в культуре кельтских, германских и иранских народов, окружавших Империю, а также в культуре самого греко-римского мира не вызывает сомнений. Она связывалась с хтоническими силами, выступала связным между этим и потусторонним миром¹⁴, тем, кто в более поздние времена заменил «волшебного помощника» (в терминологии В. Я. Проппа), обретаемого юношей во время обряда инициации¹⁵, и в таком виде появился в мифологии этих народов. Связь же брака с обрядами инициации не нуждается в пояснениях. Вполне возможно, что лошадь в качестве брачного дара — часть уже мало осознаваемого символического мира мифологических представлений, уходящих корнями в тотемическое прошлое, когда магическое средство, позволяющее проходящему инициацию юноше стать полноценным членом племени и обрести некоторую власть над силами природы, передавалось ему из рода его будущей жены — по женской линии¹⁶. Более того, будущий тесть мог потребовать от жениха демонстрации тех магических умений, которые он приобрел во время обряда¹⁷. Теперь же это средство, обретшее вид коня, возвращалось в род жены до брачной церемонии как часть выкупа за невесту.

Другое, не менее изысканное описание дара, полученного правителем Италии, содержится в письме к королю «тюрингских» варнов, союз с которыми был, вероятно, одним из последствий брака Герминафрида и Амалаберги¹⁸. Король варнов отправил в дар Теодориху юношей-рабов, меха и мечи, однако

13. О германских и римских свадебных обычаях в первой половине первого тысячелетия новой эры см.: Фоне-Вампль С. Женщины от V по X век. С. 163–201.

14. Пропп В. Я. Исторические корни Волшебной Сказки. СПб., 2000. С. 144 (Замогильный конь).

15. Там же. С. 84 (Волшебный дар).

16. Там же. С. 85 (Яга — теща).

17. Там же. С. 288 (Предварительные выводы).

18. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 458.

только последние стали объектом особенного внимания в ответном послании¹⁹:

«Вместе с черными, как смоль, мехами²⁰ и отроками, сияющими иноземной белизной, вы, брат мой, отправили нам разрезающие броню спаты, ценные более железом, чем золотом. Сияет там (на спатах. — Я. Б.) блестящая ясность [такая], что от верной чистоты возвращаются образы наблюдателей²¹; края ее с такой соразмерностью сходятся на острие, что кажется, словно они не тщательной отделкой составлены, но излиты огненными печами. Их середины²², выдолбленные с красивыми желобами, выглядят, как закрученные в виде гусениц, где играет вместе такая тень многообразия, что ты скорее сочтешь сверкающий металл сотканным из разнообразных цветов. [...] Мечи по красоте своей кажутся сделанными Вулканом, который представлялся с таким изяществом совершенствующим произведения [своего] искусства, чтобы [то], чему придали форму эти руки, казалось не земным трудом, но божественным.»

(Cum piceis timbribus et pueros gentili candore relucetes, spathas nobis etiam arma desecantes vestra fraternitas destinavit, ferro magis quam auri pretio ditiores. Splendet illic claritas expolita, ut intuentium facies fideli puritate restituant, quarum margines in acutum tali aequalitate descendunt, ut non limis compositae, sed igneis fornacibus credantur effusae. Harum media pulchris alveis excavata quibusdam videntur crispari posse vermiculis: ubi tanta varietatis umbra concludit, ut intextum magis credas variis coloribus lucidum metallum. [...] enses, qui pulchritudine sui putentur esse Vulcani, qui tanta elegantia fabrilis visus est excolere, ut quod eius manibus formabatur, non opus mortalium, sed crederetur esse divinum).

В тексте послания к эстам²³ ученость и писательское мастерство Кассиодора раскрывается во всем своем блеске. Передавая адресатам известные в римском мире сведения о янтаре, он ненапряжимо цитирует Тацита²⁴, добавляя к его тексту вычурные выражения позднеантичной риторики и строит описание янтара — драгоценности, отправленной Теодориху эстами, — следуя неоплатоническим эстетическим принципам и задействуя символику драгоценных камней и металлов²⁵.

19. *Variae* V.1.

20. Возможно, соболиными.

21. Речь идет о полированной поверхности, от которой отражаются лица наблюдателей.

22. Или рукоятки.

23. *Variae* V.2.

24. *Tacitus. De origine et situ Germanorum*, 45. Издание латинского текста: *The Life of Agricola & The Germania* / ed. W. Allen. Boston, 1913. P. 56. Русский перевод: *Корнелий Тацит. Сочинения* в двух томах. М., 1993. Т. 1. С. 354.

25. Подробный комментарий о стиле и символике драгоценных камней и металлов именно у Кассиодора см.: *Macpherson R. Rome in Involution. Cassiodorus' Variae in their Literary and Historical Setting*. Poznan, 1989. P. 197.

Описание янтаря у Кассиодора	Описание янтаря у Тацита
<p>Эта [субстанция], как описывал некий Корнелий [Тацит], собирается на центральных островах Океана, стекая соком из деревьев — отчего и называется «<i>sucinum</i>»²⁶ и он постепенно затвердевает под жаром солнца. Рождается же струящийся металл, прозрачная мягкость, то краснеющая шафрановым цветом, то наливающаяся пламенной яркостью, чтобы, когда она соскользнет в море для промежуточного этапа, очищенная переменным течением, выставленная [напоказ], она была уверена вашим берегам.</p>	<p>Однако нетрудно понять, что это — древесный сок, потому что в янтаре очень часто просвечивают некоторые ползающие по земле или крылатые существа; завязнув в жидкости, они впоследствии оказались заключенными в ней, превратившейся в твердое вещество. Таким образом, я склонен предполагать, что на островах и на землях Запада находятся дубравы и рощи, подобные тем сокровенным лесам на Востоке, где сочатся благовония и бальзамы; из произрастающих в них деревьев соседние лучи солнца выжимают обильный сок, и он стекает в ближайшее море и силою бурь выносятся на противоположные берега. При поднесении к янтарию, ради познания его свойств, огня он вспыхивает как факел, вслед за чем расплавляется, словно смола или камедь.</p>
<p>Haec quodam Cornelio describente legitur in interioribus insulis Oceani ex arboris suco defluens, unde et <i>sucinum</i> dicitur, paulatim solis ardore coalescere. Fit enim sudatile metallum, teneritudo perspicua, modo croceo colore rubens, modo flammea claritate pinguescens, ut, cum in maris fuerit delapsa confinio, aestu alternante purata vestris litoribus tradatur exposita. Quod ideo iudicavimus indicandum, ne omnino putetis notitiam nostram fugere, quod occultum creditis vos habere.</p>	<p><i>Sucum tamen arborum esse intelligas, quia terrena quaedam atque etiam volucra animalia plerumque interlucent, quae implicata umore mox durescente materia cluduntur. Fecundiora igitur nemora lucosque sicut Orientis secretis, ubi tura balsamaque sudantur, ita Occidentis insulis terrisque inesse crediderim, quae vicini solis radiis expressa atque liquentia in proximum mare labuntur ac vi tempestatum in adversa litora exundant. Si naturam sucini admoto igni temptes, in modum taedae accenditur, alitque flammam pinguem et olentem; mox ut in picem resinamve lentescit.</i></p>

26. Т. е. нечто, связанное с соком.

В приведенных выше описаниях даров обращает на себя внимание утонченная красота, даже изощренность стиля. Безусловно, Кассиодор во многом использовал необходимость уведомить отправителя о получении именно того, что он посылал в качестве дара, как предлог для демонстрации своего искусства ратора. Однако знаменательно, что во всех письмах к королям-варварам описаны только полученные дары, нигде нет описания отправленных, за исключением послания к Гундобаду²⁷, но там описание играет скорее функциональную роль: Кассиодору нужно было сказать, что одни часы именно солнечные, а другие водяные, и указать на то, как они работают. Вероятно, таким образом — описанием полученного в ответном письме — достигались две цели: с одной стороны, выражение благодарности, подчеркнутое исключительным литературным мастерством, с другой — «просветительская» миссия ознакомления германцев с культурой Слова. Кроме того, учитывая особое место, которое занимало Слово, говорение, красноречие, Логос в античной и позднеантичной культуре, можно сделать вывод о том, что таким образом — через выражение в словесной форме — посланные в качестве даров предметы приобретали новое, более совершенное существование.

27. *Variae* I.46.

Описание в ответных письмах тех даров, чей внешний вид был и так хорошо знаком их отправителям, играло роль риторического вовлечения варварских королевств в цивилизованный мир, где публично сказанное по всем законам красноречия слово было более ценным, чем фактическая стоимость любого дара, будь то золото, драгоценные меха или удивительные камни.

Нетрудно заметить, что все названные дары, кроме мечей-спат, а именно лошади, мальчишки-рабы, меха и янтарь, могут быть отнесены к одной категории — ресурсных богатств территории, подвластной отправителю. Подобное было распространено именно на переговорах на среднем уровне, когда император получал дары от правителей различных регионов как

самой Империи, так и у ее границ²⁸. Из этого можно сделать вывод о том, что отправители во всех случаях, кроме брака Герминафрида, при помощи даров указывали на свою скорее более низкую, в какой-то степени подчиненную позицию по отношению к Теодориху — ведь в дарах, как правило, отражался статус получателя²⁹. Король варнов же, кроме рабов и мехов — даров-ресурсов — отправил правителю Италии мечи — предмет роскоши и статусный подарок, символ военной власти в том мире, где военные добродетели пронизывали культуру на разных уровнях, от риторического прославления древних римлян, включая в себя и созданную на основе связанных со сражениями категорий топику варваров, до германских представлений о воинской доблести. В ответном письме, содержащем описание этих мечей, Теодорих обращается к адресату «брат мой» (*vestra fraternitas*) — как к равному.

К иной, нежели меха, лошади и янтарь, категории относится еще один дар Теодориху, не сопровождаемый, однако, развернутым описанием, — золото, которое отправил ему король вандалов Трасамунд вместе с извинениями за покровительство, оказанное им Газалеху — человеку, препятствовавшему распространению власти Теодориха в Испании. Это золото правитель Италии отослал обратно, объяснив в послании свои действия достойным короля стремлением к победе над алчностью³⁰. В этом случае Теодорих многим рисковал: небольшая ошибка в процедуре отправки или приема даров, их недостаточная экономическая ценность, несоответствие желанному для противоположной стороны статусу переговоров или нарушение тех или иных обычаев могли послужить поводом к войне³¹. Только чувствуя себя очень уверенно правитель мог позволить себе отказаться от даров такой большой стоимости и символической важности, как золото, которое неизменно входило в число наборов подарков на высочайшем уровне — при переговорах между восточным императором и сасанидским шахиншахом³². Кроме того, золото, как и вообще металл,

28. Nechaeva E. Op. cit. P. 201.

29. Ibid. P. 171.

30. *Variae* V.44.

31. Nechaeva E. Op. cit. P. 171.

32. Ibid. P. 177.

во многих культурах семантически связано с сакральностью, с сиятельностью верховной власти, причем значение это очень древнее, идущее от трансформации тотемических представлений в культ верховного, часто небесного, божества³³.

Однако, по всей видимости, это был исключительный случай. Сложно согласиться с предположением Д. Шанзер о том, что поскольку ни в одном из писем с благодарностью за подарки ничего не говорится об ответных дарах, очевидно, что Теодорих их не отправлял, посылая только «риторическую обработку» уже полученного, выполненную Кассиодором³⁴. Как было замечено в начале, в дипломатической практике того времени дарам придавалось слишком большое значение, чтобы даже император мог позволить себе постоянно пренебрегать ответным благодеянием.

В тех посланиях, где речь идет о дарах, отправленных Теодорихом к его визави, нет столь подробных и изысканных описаний этих предметов, что, однако, не делает невозможным анализ этих случаев.

Усыновив по оружию короля герулов, Теодорих послал новообращенному приемному сыну «жеребцов, мечи, щиты и остальные орудия войн» (*equos enses clipeos et reliqua instrumenta bellorum*)³⁵. Состав даров при этом напрямую был связан с символическим актом, ставшим темой письма и поводом для посольства, — усыновлением по оружию³⁶. По германским представлениям, различные типы оружия и лошади были престижными предметами, ярчайшим свидетельством чего выступают вождеские погребения, и при этом они никогда не выступали в качестве инсигний, отсылаемых императором правителям соседних с Империей народов в качестве символов власти³⁷. Несмотря на то, что практика усыновлений по оружию была воспринята императорами в отношении отдельных германцев на службе Империи, она продолжала восприниматься именно как племенной обычай, как часть племенного мира — и именно таковой она остается в письме

33. Калинина И. В. Зверь-тотем в типологии образов // Теория и методология архаики. СПб., 2000. Вып. 2. С. 62.

34. Shanzer D. Two Clocks and Wedding: Theodorich's Diplomatic Relations with the Burgundians // *Romanobarbarica*. 1996. №14. P. 237.

35. *Variae* IV.2

36. О связи усыновления по оружию с обрядом инициации см.: Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. Новосибирск, 2011. С. 86, 135.

37. Nechaeva E. Op. cit. P. 207–236.

Теодориха к королю герулов, где происходящее называется «обычаем народов» (*mos gentium*), что в том числе подчеркивает и отправленный набор даров.

Вместе с посольством, отправившимся к королю франков, чтобы убедить Хлодвига проявить милосердие к уже побежденным аламаннам, в качестве дара был послан кифаред³⁸, подобранный по личной просьбе Теодориха одним из ученейших людей не только Италии, но и вообще того времени — Северином Боэцием³⁹. Музыка, связывавшаяся с миром в душе — репрезентацией небесной гармонии, стала в данном случае символическим воплощением основной цели посольства. Целью этой была попытка призвать Хлодвига к установлению мира на границе между франками и остготами, куда бежали под защиту Теодориха побежденные аламанны, мира, подкрепленного дружбой обоих владык, связанных родственными узами (Теодорих был женат на Аудофледе, сестре Хлодвига). Смысловая насыщенность этого дара, описанного в данном письме, крайне велика: это и мир в душе Хлодвига⁴⁰, и спасительный для аламаннов мир на границе, и родственное согласие⁴¹. Интересно, что в послании к Боэцию на ту же тему Кассиодор называет кифареда, который должен отправиться к Хлодвигу, новым Орфеем, который чарующей музыкой смягчит грубые сердца варваров. Эта пренебрежительная по отношению к франкам позиция, оформленная с помощью традиционных риторических топосов, не нашла отражения в том письме, которое отправилось к Хлодвигу вместе с официальным посольством.

Предположительно в то же время или несколько ранее посольство к Гундобаду увезло в Бургундию сконструированные Боэцием солнечные часы и клепсидру, отосланные Теодорихом по просьбе короля бургундов⁴². Гундобад был не менее опасным соседом Остготской Италии, чем король франков, и также был связан с Теодорихом родственными узами: его сын Сигизмунд был женат на Острогото (Ареагни), принцессе из рода Амалов и дочери Теодориха. Кроме того, он мог тягаться

38. *Variae* II.41.

39. Об этом даре см.: *Variae* II.40.

40. Кифаред посылается лично Хлодвигу, и это подчеркивается финальным пассажем послания: «...который устами и руками да усладит пением гармоничного голоса славу вашего могущества, который по той причине, мы верим, будет приятен [вам], так как он послан для того, чтобы вы его весьма оценили» (*qui ore manibusque consona voce cantando gloriam vestrae potestatis oblectet: quem ideo fore credimus gratum, quia vos eum iudicatis magnopere dirigendum*). *Variae* II.41.

41. Кассиодор и Теодорих акцентируют внимание на том, что аламанны прибегли к помощи правителя, связанного с Хлодвигом родственными узами: «...по праву милости они достойны спастись, поскольку вы наблюдаете [то], что они обратились к защите ваших родственников» (*...iure gratiae merentur evadere, quos ad parentum vestrorum defensionem respicitis confugisse*). *Ibid.*

42. *Variae* I.45. О том, насколько действительно были уникальны в Бургундии эти часы см.: Добиаш-Рождественская О. А. *Oppletum oppidum est solariis* (по вопросу о часах в раннем Средневековье) // *Культура западноевропейского Средневековья*. М., 1987. С. 7–18.

со своим южным соседом в престиже: когда-то он был главнокомандующим на территории Италии, принявшим ненадолго власть умершего Рицимера, по его инициативе проходили диспуты между арианскими и ортодоксальными епископами⁴³, под его эгидой был составлен кодекс права — то есть фактически он претендовал на некоторые функции императора, на то, чтобы и его власть выглядела, как императорская.

Здесь стоит отметить, что существует мнение о том, что сам тон писем к Гундобаду и к Хлодвигу, сопровождавших дары, очень оскорбителен⁴⁴. Например, Д. Шанзер в своей работе, посвященной отдельно этому посланию к Гундобаду (в «*Variae*» есть еще одно) и женитьбе Сигизмунда и Ареагни, утверждает, что основной целью Теодориха в данном случае было оскорбить адресата⁴⁵, унижить его, как того, кто находится в варварском состоянии. Аргументация Д. Шанзера строится на понимании следующего пассажа:

«Пусть под вашей властью Бургундия учится смотреть на тончайшие вещи и восхвалять изобретения древних, через вас она отказывается от племенного плана и, пока ожидает благоразумия от своего короля, она по праву страстно желает деяний мудрецов».

(*Discat sub vobis Burgundia res subtilissimas inspicere et antiquorum inventa laudare: per vos propositum gentile deponit et dum prudentiam regis sui respicit, iure facta sapientium concupiscit*⁴⁶).

С ее точки зрения, использование словосочетания *propositum gentile* — это очевидное указание на язычество. Однако С. Барниш в своем переводе «*Variae*» на английский язык с купюрами передает то же словосочетание как «племенной стиль жизни» (*tribal way of life*), отказываясь видеть здесь религиозную подоплеку⁴⁷. В столь тонких оттенках легко ошибиться, когда речь идет об анализе текста, написанного полторы тысячи лет назад, тем более в форме, склонной к использованию специфической топики и назидательной интонации.

43. *Shanzer D. Op. cit. P. 242, 244.*

44. Например: *Amory P. People and identity in Ostrogothic Italy. 489–554. Cambridge, 1997. P. 62–63.*

45. *Shanzer D. Op. cit. P. 235.*

46. *Variae I.46.*

47. *Selected Variae of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator. Liverpool, 2006. P. 24.*

Нетрудно заметить, что дары Гундобаду и Хлодвигу противоречат представлению, которое сложилось у цитируемых выше историков относительно обычаев дарения в дипломатической практике поздней Античности, с которой Теодорих, безусловно, был хорошо знаком. При переговорах «на высшем уровне» стороны, как правило, обменивались предметами роскоши: серебром, золотом, драгоценными камнями, одеяниями, украшениями, благовониями, дорогой посудой, специями и пряностями, диковинными животными и породистыми лошадьми. Однако случаи отправки механических устройств нам практически не известны, а те, в которых человек, обученный тому или иному искусству, выступал бы в качестве дара, были довольно редки, хотя рабов, безусловно, дарили в эпоху Античности.

Иными словами, мы имеем дело с намеренной оригинальностью в сфере дипломатических подарков, причем в отношениях с правителями, которые все же воспринимались Теодорихом и его окружением как находящиеся в гораздо более высокой позиции, чем, например, короли герулов и тюрингов, — и этот момент чрезвычайно значим для понимания репрезентации власти Теодориха Великого. Как даритель таких уникальных вещей, как клепсидра и солнечные часы, и столь талантливого человека, как кифаред, Теодорих выступал поистине цивилизованным правителем в античном смысле этого слова, тонким ценителем искусств, приглашающим адресатов стать такими же, как он, поскольку в письмах к Хлодвигу и Гундобаду нет даже намека на сомнение в том, что они не сумеют правильно воспользоваться его дарами и оценить их по достоинству. Однако, безусловно, в этом было и указание на превосходство, особенно при сравнении с дарами других правителей, отправленными Теодориху, которые лежали исключительно

в плоскости устоявшихся представлений

о дипломатическом

дарении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

MGH. Auct. ant. — Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах / ред. А. С. Бобович, М. Я. Боровский, М. Е. Сергеенко. Москва: Ладомир, 1993. Т. 1.
2. Сказания Приска Панийского // Ученые записки второго отделения императорской академии наук. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Академии наук, 1861. Книга VIII. Вып. 1. С. [292–393].
3. *Cassiodorus Senator. Variae* / rec. Th. Mommsen. Berolini: Apud Weidmannos, 1894. (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi; T. 12).
4. Selected Variae of Magnus Aurelius Cassiodorus Senator / transl. with introd. and notes by S. J. B. Barnish. Liverpool: Liverpool University Press, 2006.
5. The Life of Agricola & The Germania / ed. W. Allen. Boston: Ginn & Co, 1913.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* Символика раннего Средневековья (к постановке вопроса). Москва: Наука, 1977.
2. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова; под ред. М. Б. Шукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. Санкт-Петербург: Ювента, 2003.
3. *Годелье М.* Загадка дара. Москва: Восточная литература, 2007.
4. *Добиааш-Рождественская О. А.* Oppletum oppidum est solariis (по вопросу о часах в раннем Средневековье) // Культура западно-европейского Средневековья. Москва: Наука, 1987. С. 7–18.
5. *Калинина И. В.* Зверь-тотем в типологии образов // Теория и методология архаики : материалы теоретического семинара / отв. ред. Д. Г. Савинов. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2000. Вып. 2. I. Тотемизм: артефакты, концепции и реальность. II. Культура: социум и индивид С. 55–64.

6. *Пропп В. Я.* Исторические корни Волшебной Сказки / науч. ред., текстологич. комм. И. В. Пешкова. Санкт-Петербург: Лабиринт, 2000.
7. *Санников С. В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного технического университета, 2011.
8. *Фоне-Вампль С.* Женщины от V по X век // История женщин на Западе / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. Т. 2. С. 163–201.
9. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ad Marginem, 1999.
10. *Amory P.* People and Identity in Ostrogothic Italy. 489–554. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
11. *Gillett A.* The Purposes of Cassiodorus' *Variae* // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History / ed. A. C. Murray. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 1998.
12. *Macpherson R.* Rome in Involution. Cassiodorus' *Variae* in Their Literary and Historical Setting. Poznan: Wydawnictwo naukowe uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1989.
13. *Nechaeva E.* Embassies — Negotiations — Gifts. Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014.
14. *O'Donnell J. J.* Cassiodorus (Postprint, 1995) [Электронный ресурс]. URL: <http://faculty.georgetown.edu/jod/texts/cassbook/toc.html> (дата обращения: 17.02.2018).
15. *Shanzer D.* Two Clocks and Wedding: Theodoric's Diplomatic Relations with the Burgundians // *Romanobarbarica*. 1997. №14. P. 225–258.

Беспальчикова Яна Евгеньевна

Магистрантка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет

yana_bes@mail.ru

Дары в дипломатической практике Теодориха Великого

Исследование посвящено анализу актов дарения в дипломатических взаимодействиях Теодориха Великого с другими германскими лидерами и известных по письмам корпуса «*Variae*» Кассиодора Сенатора, в связи с семантикой дипломатических даров, спецификой дипломатии эпохи поздней Античности и раннего Средневековья, а также репрезентацией власти правителя остготской Италии. Дипломатические письма из «*Variae*» содержат информацию о семи актах дарения: три из них — дары Теодориху, три — его дары, и один — прерванный акт дарения, во время которого Теодорих не принял даров от короля вандалов Трасамунда. Во всех случаях объекты, выступающие в качестве даров, напрямую связаны с ситуацией дарообмена и с римскими или германскими традициями. Тем не менее можно сделать вывод о намеренной оригинальности Теодориха Великого в сфере дипломатического дарения.

Ключевые слова: Теодорих Великий; репрезентация власти; Кассиодор, «*Variae*»; дары; дипломатия.

Yana Bepalchikova

Master Student of the Faculty of Philology, Saint Petersburg State University

yana_bes@mail.ru

Gifts in the Diplomatic Practice of Theoderic the Great

The paper analyses gift-acts in diplomatic interactions of Theoderic the Great with other Germanic leaders from the standpoint of semantics of diplomatic gifts, specifics of diplomacy in the Late Antiquity and the Early Middle Ages, and power representation in Ostrogothic Italy. The diplomatic letters from Cassiodor's *Variae* include information about seven gift-acts. Three acts involved delivering presents to Theoderic; three acts pertained to gifts from him; and one act was interrupted because Theoderic did not accept the diplomatic gift from Trasamund, the King of Vandals. All objects, which constituted these acts of gift exchange, were chosen according to the specificity of the situation and imperial or Germanic traditions of diplomatic exchange. Finally, the author assumes that Theoderic the Great was intentionally exceptional in the sphere of diplomatic gift-giving.

Key words: Theoderic the Great; Power Representation; *Variae*; Gifts; Diplomacy.